

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИТИ И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО «САМОСТОЯНЬЯ»

Бегенева Е.И.

UNIVERSITY EDUCATIONAL SYSTEM IN THE EPOCH OF POSTMODERNITY AND THE PROBLEM OF RUSSIAN SELF-IDENTITY

E. Begeneva

Аннотация. В статье рассматривается феномен глобализации в качестве маркера цивилизационных проблем настоящего времени. Особое внимание автор уделяет проблеме рисков в интеграционных образовательных процессах.

Ключевые слова. Образование, глобализация, маркетизация, интеграция, национальная идентичность.

Abstract. This paper is focused on the phenomenon of globalization, which marks all the problems of today. The author pays special attention to the problem of education and risks in the processes of its integration.

Key words. Education, globalization, marketisation, integration, national identity.

«Самостоянье человека – залог величия его».

А.С.Пушкин.

«Последний год, последние месяцы и, в особенности, последние недели по все нарастающей траектории и все с большей настоятельностью заставляют задуматься о том, что мы здесь, в России, переживаем интуитивно очевидное, но формально-социологически еще не оформленное, вступление системы в новый фазис своей эволюции. Это есть ощущение новизны социального климата вообще», – пишет российский социолог, специалист по истории зарубежной философии и социологии Н.Е.Покровский [15]. Сравнивая два сценария развития событий – конца 80-х и начала 90-х годов и нынешний, – Покровский видит их основное отличие в том, что если в конце прошлого века наблюдалось «поступательное движение в неизведанное, но по заранее определившимся маршрутам трансформации (перестройки), либерализма, свободных рынков и т.д., всего того, что давно уже зарекомендовало себя к тому времени в системе модерна», то теперь речь идет «о чем-то совершенно новом и не подпадающем под известные образцы, о *качественно* иной композиции общества, о превращенной системе координат» [там же].

Восприятие новизны ситуации исследователем укладывается в несколько емких тезисов: 1. Период транзита и перехода куда-либо завершен (укрепившаяся в России новая социальная структура ныне и в обозримой перспективе будет блокировать какие-либо значительные социальные изменения); 2. Общество вошло в состояние равновесной и долговременной

стабильности (балансы неопределенностей и фрагментаций никогда не будут определены, дефрагментированы и достроены до единого целого, и эта фрагментированность есть залог стабильности) [там же].

Данное состояние не есть сугубо российская проблема. Это общая глобальная тенденция, нашедшая в России в силу резкого снижения инерциальной сопротивляемости российского общества свое, быть может, самое разительное проявление. Причудливый, подчас даже экзотический профиль российской ситуации Покровский объясняет своеобразным «симбиозом активных глобалистических тенденций с традиционалистскими, отчасти полуфеодальными напластованиями» [там же]. Феномены происходящего на «российской площадке» по уже сложившейся для России не слишком счастливой традиции максимально и полно отражают все специфические знаковые противоречия времени.

В своем лондонском интервью для журнала «Свободная мысль-XXI» (2004 год, интервьюировал Владислав Иноземцев) Эрик Хобсбаум - профессор Лондонского университета, член Королевской академии наук, автор полутора десятков базовых книг по истории современности, - продолжая парадигму наименований самых значимых столетий мировой истории (XIV - век Возрождения, XVIII - век Просвещения), собственную версию истории XX века назвал «веком крайностей». Эту мысль он пояснил беспрецедентностью (по размаху, значению и драматизму) характера происходивших в то время событий. Облик столетия, по мысли Хобсбаума, определили два феномена: катастрофичность цепи кровавых событий (две мировые войны, революции и контрреволюции) и невероятное ускорение экономического роста и глобализации [17]. Ускорение, в условиях которого мы живем по сей день, порождает большинство проблем, поджидающих человечество в наступившем веке.

Справка

Термин «глобализация» принадлежит перу Т.Левита, который таким образом в своей статье в «Гарвард бизнес ревью» (1983 г.) обозначил феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых отдельными корпорациями. Вплоть до 1987 г. база данных Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне не содержала книг, название которых включало бы термин «глобализация». С началом 90-х годов XX в. количество научных изысканий на эту тему стало увеличиваться лавинообразно.

По одной из версий, концепция глобализации рассматривается как новое идеологическое обоснование власти транснациональных корпораций, прежде всего американских, поскольку наиболее зримым результатом глобализации мировой экономики является именно беспрецедентный рост финансово-экономического могущества и политического влияния ТНК (к слову, 90% из них - выходцы из пяти ведущих стран мира). Всего около 30 крупнейших компаний мира сосредоточили в своих руках более 70% биржевых активов, что составляет почти 5 трлн. долл. [цит. по: [9]]. По данным министра иностранных дел Франции, оборот десяти гигантских корпораций превышает суммарный ВВП 164 членов Объединенных Наций" [5]. Большая тройка (три основных американских пенсионных фонда Fidelity Investments, Vanguard Group и Capital Research & Management) контролирует 500 миллиардов долларов.

В названии книги Бенджамена Барбера «Djihad versus McWorld» (см.: Barber B. R. *Djihad versus McWorld: Mondialisation et integrisme contre la democratic*. Paris, 1996) просвечивает намек на природу процесса глобализации (выражение «McWorld» является прозрачным намеком на два символа глобализации - McDonald's и Macintosh) и реакцию на нее (в слове «Djihad» сжато определена вполне однозначная реакция на глобализацию стран мировой периферии).

«Политике глобализации» (на этом термине настаивал французский социолог Пьер Бурдьё, скончавшийся при невыясненных обстоятельствах в феврале 2002 года) [3], принято противопоставлять глобализацию как естественно протекающий процесс «интеграции мира, формирования целостной человеческой цивилизации», как на «предвестие глобального гражданского общества и начало новой эры мира и демократизации» [14].

Природа современной капиталистической глобализации, как известно, была предсказана Карлом Марксом, и, по всей видимости, именно это обстоятельство, усугубленное обрушившимся на мир кризисом, объясняет нынешний всплеск интереса к «Капиталу» в западных книжных лавках. По мнению ряда исследователей, период 1870-1914 гг. есть период «первой глобализации», протекавшей тогда в форме процессов интернационализации экономики (прежде всего торговли), политики и культуры: «Нынешнюю глобализацию можно считать второй. Первая представляла собой английский free trade, обеспечивший свободное перемещение товаров, капиталов и людей. Этот процесс, начавшийся в 1885 г., мог бы продолжаться по сей день, если бы не был прерван тремя системными оппозициями — национализмом (Первая мировая война), коммунизмом (Великая Октябрьская революция) и фашизмом (Вторая мировая война). В результате процесс глобализации был остановлен более чем на 70 лет» [14].

Крах буржуазного общества XIX века и соответствовавшего ему специфического типа капитализма Эрик Хобсбаум, будучи ровесником Октябрьской революции и одним из немногих свидетелей прошедшего века, способным оценить его перипетии и как исследователь исторических событий, и как их современник, - квалифицирует как «ключ» к XX веку. В частности, он пишет: «Они рухнули, и их надлежало реконструировать на новой основе. Именно в этот период, который я назвал «эпохой катастроф», с 1914 года до конца 40-х, то есть первых послевоенных лет, само будущее капитализма было под вопросом» [17]. Ситуацию, как ни кощунственно это звучит, спасла сначала Великая депрессия, потом - Вторая мировая война, которые дали толчок трансформации капиталистического хозяйства на новой основе. Последовавшие быстрые перемены в экономике, социуме и культуре неузнаваемо изменили мир. Распад же советского блока и разрушение биполярной системы международных отношений с одновременным переходом стран - лидеров мирового развития на постиндустриальную стадию и регионализацией мировой экономики привели мир к новому качеству, его глобализации.

Если воспользоваться понятием «длинных» и «коротких» столетий, подчеркивающим несоответствие исторических эпох и традиционной хронологии, то последней точкой только что истекшего «короткого» века

специалисты, по версии Хобсбаума, возможно, сочтут глобальный хозяйственный кризис 1997 - 1998 годов, который «имел мировой масштаб, хотя и не затронул серьезным образом наиболее развитые страны», мощно отозвавшись «лишь» в России, в странах Юго-Восточной Азии и, конечно, в Латинской Америке [17].

Сегодня, в сравнении с последними тремя столетиями, разделение мира на Восток и Запад в их киплинговском смысле перестало быть актуальным. Глобализация изменила такое положение дел, когда, к примеру, события, происходившие в Европе (и на Западе в целом) в период с XV века до конца XX, в значительной мере определяли ход истории. Понятие «западная цивилизация» постепенно переросло в понятие «цивилизация модернити», которая «основана на современных технологиях, современной науке, даже, если хотите, на определенной культурной общности, - но она уже не является западной. Если вы пойдете на симфонический концерт в Токио, в репертуаре оркестра будут те же произведения, что и на симфоническом концерте в Миннеаполисе» [17]. Один из четырех параметров глобализации – мирсистемный параметр, который основывается на теории И. Уоллерстайна, – отчетливо показывает эволюционную сдвигку ядра западной цивилизации в сторону периферии [15]. В рамках глобальной «мирэкономки» проявляются новые контуры специализированных сегментов, самобытных «больших пространств» с общими культурно-историческими кодами, стилем хозяйствования, общими социально-экономическими факторами и стратегическим целеполаганием. В мировой системе «экономического плюрализма» формируются три центра: Северная и Южная Америка под эгидой США, Европа под эгидой ЕС, Юго-Восточная Азия под эгидой Японии [14].

Наравне с ними существуют и «локальные» объединения, наиболее поздними из которых являются ШОС (Шанхайская организация сотрудничества, которую в 2001 году основали лидеры Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана и в которую в качестве государств-наблюдателей чуть позже вошли Иран, Индия, Монголия и Пакистан) и БРИК (экономическое объединение четырех равновеликих стран с разными геополитическими интересами - Бразилии, России, Индии и Китая).

Исключительное геостратегическое положение России, ее вовлеченность в ряд конфликтов и наличие как глобальных, так и региональных интересов диктуют для нее роль активного участника мирового политического процесса. В частности, Россия должна стать мостом между двумя основными центрами региональной интеграции – зоной евро и постепенно формирующейся в Юго-Восточной Азии зоной юаня – и катализатором трансевразийской интеграции.

Все происходящее на этих трех крупнейших геополитических площадках мира легко укладывается в описание Н.Е.Покровского, представленное в виде «феноменологических компонент идеального типа современной глобализации»: а) всеохватность и комплексность изменений

(меняются все параметры социальных структур и сама изменчивость, пластичность становится главной позитивной ценностью), б) все глобальные ценности и ориентиры получают априорное доминирование по отношению к местным (локальным) ценностям, включая и этнический фактор, который элиминируется, в) гибридизация культуры, то есть процесс быстрого составления (часто искусственного) культурных феноменов из прежде несовместимых составных частей, особенно в сфере поп-культуры г) акцентирование глубинных феноменов (докультурных, доцивилизационных), которые получают раскрепощение, д) решительное изменение ориентации рациональности от модерна к постмодерну с его акцентом на мозаичности и внутренней несвязанности восприятия и конструирования социальной реальности, е) признание гражданского общества единственной формой социальной упорядоченности глобального социума [15].

По сути, перечень феноменологических глобализационных компонент является маркером проблем настоящего времени. К пяти важнейшим из них Э.Хобсбаум относит проблемы 1) преодоления последствий масштабного влияния человека на окружающую среду и биосферу (до середины 20 века такой проблемы не существовало); 2) воздействия на общество набирающей темпы технологической революции; 3) растущих масштабов перемещения людей и производств, взаимопроникновения культур; 4) конфликтов между государственными и негосударственными образованиями и, наконец, 5) международных вооруженных конфликтов [17]. Круг этих проблем сигнализирует о том, что наступивший новый кризис является вовсе не финансовым, не экономическим, а цивилизационным.

По глубокому убеждению Д.Б.Дондуря, специалиста по социологии культуры, теории и истории изобразительного искусства, театра и кино, а также главного редактора журнала «Искусство кино», наступивший кризис связан с необходимостью пересмотра «самых фундаментальных, философских принципов понимания устройства жизни» [7]. Преодолеть нынешние вызовы позволит миру отнюдь не новая экономическая архитектура. Проектирование будущего будет идти исключительно в пространстве гуманитарных технологий: «Все то, что стоит за словами, используемыми для проектирования инновационной модели развития России, особенно при анализе нынешнего экономического кризиса - недоверие, неуважение к человеку, коррупция, страхи, инициатива, надежда - это сверхфинансовозначимые нематериальные активы. И производятся они именно в сфере культуры. Здесь создается главное - правильные и ошибочные смыслы происходящего. Все мотивации и все контексты понимания жизни миллионами людей» [там же].

Справка

К настоящему времени состоялось подключение российской экономики к таким секторам глобальной экономической сети, как финансы, спекулятивные вложения, торговля энергоресурсами, средства информации. Диверсификации российской экономики и повышения ее конкурентоспособности невозможно достичь, полагаясь на

рынок, который "все расставит по своим местам". Чтобы избежать угрозы дезинтегрирующего воздействия со стороны мирового рынка на свой национальный хозяйственный комплекс, Россия должна начать участвовать в мировой конкуренции не в роли мировой сырьевой провинции, а как источник технологий.

По расчетам российских ученых, национальное богатство России, включающее материальные активы и природные ресурсы, оценивалось в конце 1990-х годов в 340 трлн. долл., что в десять раз больше совокупного ВВП всех стран мира. Основную часть этой суммы (около 80%) составляют материально-сырьевые и топливно-энергетические ресурсы (только лесные ресурсы оценивались в 60 трлн. долл.). По совокупному природному потенциалу на душу населения Россия опережает США в 2-3 раза, Германию - в 5-6 раз и Японию - в 18-20 раз. По имеющимся оценкам, к концу 90-х годов в России в стадии разработки находилось около 10 тыс. инвестиционных проектов на общую сумму более 50 млрд. долл. В информационной базе данных Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг зарегистрировано 2 тыс. инвестиционных проектов, имеющих проработанные бизнес-планы [11].

В добавление ко всему этому, в распоряжении России находится огромный потенциал фундаментальных научных исследований, которые к началу 1990-х годов по многим направлениям опережали мировые исследования. По официальным данным, российская интеллектуальная собственность оценивается примерно в 400 млрд. долл. и может ежегодно приносить до 60-70 млрд. долл. прибыли, но, оказываясь невостребованной, она ежегодно обесценивается минимум на 20%. В весьма плачевное состояние огромный научно-технический потенциал России попал 1990-1997 гг., когда затраты на финансирование НИОКР сократились более чем в семь раз. В настоящее время расходы на НИОКР не превышают 1% ВВП [там же].

Чтобы сравняться со странами, претендующими на инновационный путь развития, Россия должна расходовать на развитие науки не менее 2,5-3% ВВП (для сравнения: в Японии интеллектуальные доходы составляют 900 млрд. долларов, в 100 раз больше, чем у нас). Показательно, что страны ЕС недавно приняли решение увеличить расходы на НИОКР к 2010 г. до 10% совокупного ВВП [там же].

За 16 лет вхождения в рыночную экономику России так и не удалось существенно увеличить экспорт инновационных продуктов: по данным круглого стола, проведенного Комитетом по образованию и науке совместно с Комитетом ГД по безопасности, доля высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта России составляет менее 3% (что соответствует уровню Индии и на 22% расходится с показателями Китая в пользу последнего). Россия не реализует в полной мере свою способность успешно конкурировать сразу по 10 – 15 направлениям наукоемкой продукции из 50-ти существующих (эксперты отмечают неплохие перспективы в развитии средств связи, нанотехнологий, водородной энергетики, топливных элементов, теле- и радиоаппаратуры, медикаментов, отдельных областей химии и лазерных технологий). Одной из причин является недостаточный объем инвестиций в инновации со стороны частного бизнеса, который в России не находит для себя понятной, удобной и привлекательной договорной площадки: «Доля средств предпринимательского сектора в финансировании науки составляет 30% внутренних затрат в научной сфере, тогда как в Японии – почти 75%, в Германии – 66,8%, США – 63%. Россия находится только на 31-м месте по числу патентных заявок» [13].

Главными конкурентными преимуществами сегодняшней России Запад по-прежнему считает низкие цены на сырье, энергоносители и рабочую силу. По данным Федерации европейских работодателей, по уровню средней часовой заработной платы Россия занимает среди 46 европейских стран 40-е место. В среднем по России часовая заработная плата равна немногим более 1 евро; это - 4% от самого высокого по Европе уровня, составляющего в Дании 27,89 евро [9].

По мысли М.Г.Делягина, руководителя научных исследований Института проблем глобализации, ценность сегодняшней России для человечества составляет оригинальный взгляд на мир, нестандартное мироощущение и интеллект. Роль России в мировом разделении труда видится ему как возможность быть "производителем умов", конвейером, выпускающим творцов и революционеров, мыслителей, способных к генерированию нового знания и принципиально новых идей [там же].

Взаимопроникновение культур (третья проблема в перечне Хобсбаума) отнюдь не всегда являет собой процедуру безболезненного взаимопереплетения и взаимополагания. Чем более свободно протекают процессы культурной интерференции (а в глобализующемся мире они неизбежно вырываются из-под власти госконтроля), тем более изощренными становятся попытки государств заявить о своих интересах. Пристальное внимание к таким феноменам, как «газетные войны», захват и освоение «чужих» кинорынков, агрессивная экспансия всевозможных видов и форм спутниковой и телерекламы и проч. и под. позволит усмотреть за всем этим не только политико-экономическую подоплеку. По сути своей все это проявления яростного противостояния культур, в которое со временем втягиваются один за другим ведущие геополитические игроки. Среди повышенных рисков в этом плане следует отметить спровоцированную гипертрофированным развитием финансовой сферы и усилением господства международных финансовых спекулянтов опасность унификации на базе англосаксонской традиции моделей поведения и норм бытия. Утрата традиционных ценностей, в свою очередь, чревата межнациональными и межконфессиональными конфликтами.

Ряд исследователей усматривает в современной глобализации «новую форму тоталитаризма, который роковым образом меняет приоритеты гуманистической классики, объявляя науку, образование и культуру, как и саму перспективу прорыва в постиндустриальное общество, привилегией наиболее богатых наций и наиболее богатых слоев внутри наций. Эта же участь уготована и России» [9].

Справка

Из 60-100 тысяч существующих в мире научных журналов, лишь 3 тысячи, в основном англоязычные и возглавляемые ведущими учеными США, Соединенного Королевства и некоторых других западных стран, индексируются Институтом научной информации. Работающие на периферии ученые (с иначе ориентированным знанием) ущемлены в возможности публикации в международных периодических изданиях: «нации «центра» определяют приоритетные направления научных исследований, владеют информационными сетями и производят необходимое оборудование и программное обеспечение» [4].

Степень готовности России противостоять различным формам национальной конкуренции в виртуальном и глобальном мире можно объективно оценить, беря во внимание весь контекст общемирового пространства высшего образования.

Центральным вопросом академических исследований высшего образования, занимающим современную Европу, является вопрос о его статусе – считать ли высшее образование рынком (или квазирынком) или общественным благом.

Справка

После оживленных переговоров все-таки было принято решение дополнить Пражское коммюнике (2003) комментарием о том, что высшее образование следует считать общественным благом [2].

Актуальность этого вопроса подогревается тенденцией маркетизации высшего образования, исход дебатов о которой напрямую зависит от того, под каким углом рассматривать вопрос о социальных функциях высшего образования и о его экономической ценности.

Наличие маркетизационных тенденций в высшем образовании в настоящее время единодушно признается всеми современными исследователями. Маркетизация проявляет себя в особом внимании университетов к исследованиям прикладного характера, а также обострением межвузовской конкуренции за привлечение студентов и финансирование. Основные движущие силы маркетизации – наукоемкая экономика и характерная для нее приоритетность производства знаний, и именно это обстоятельство позволяет рассматривать Болонский интеграционный процесс как средство дальнейшей маркетизации высшего образования.

Существует множество теорий, по-разному объясняющих интеграционные тенденции в европейском высшем образовании. Одной из главных является неофункциональная теория Розамунда (Rosamund), которая объясняет интеграцию функциональным давлением со стороны уже интегрированной региональной экономики. Движущей силой такого давления является «эффект перетекания». Если рассматривать европейское пространство высшего образования (ЕНЕА) как рынок или квазирынок, можно ожидать, что оно прореагирует на функциональное давление аналогично экономическому пространству. Эффект перетекания состоит в том, что интеграция высшего образования приведет к наращиванию экономических благ для стран-участниц. Именно эффектом перетекания обусловлена мутация образования как общественного блага в образование рыночного типа (с оборотом в несколько миллиардов евро), т.е. маркетизация образования [2].

Маркетизация, в свою очередь, обуславливает необходимость показателей сравнения или ранжирования, и в первую очередь, оценки качества, без которой рынок не может функционировать. Последствия унификации для академических ценностей являются в настоящее время предметом яростных споров: активно высказывается мнение, что обеспечение качества противоречит академическим ценностям, однако остается открытым вопрос, до какой степени. «Чего ожидают от нас наши дорогие клиенты, потребители, студенты, заинтересованные круги,

спонсоры? Они надеются получить от нас либо продукт, описываемый в чрезвычайно абстрактных терминах «мастерства» или «влияния», либо результаты мыслительных процессов, которые могут быть преобразованы в пригодные к продаже товары и предметы потребления. Мы должны вести рыночное производство, но значение и смысл нашего производства лежат за пределами рынка, особенно в плане моральных и интеллектуальных последствий наших исследований и преподавания, не говоря уже о образовательном и культурном влиянии, которое мы волей-неволей оказываем в процессе работы со студентами и нашими собственными преемниками» [6].

Радикальные позиции относительно последствий унификации для академических ценностей приводит Каспер Баркхольт в своем исследовании Болонского процесса и интеграции в образовании. В частности, Баркхольт ссылается на Коуэна (Cowen) и Хартли (Hartley), которых этот вопрос занимает с 1996 г. Первый из них (Коуэн) единственной целью университетов считает поиск истины как самостоятельной ценности, а «прикладное высшее образование» ему видится как кризисная ситуация для университетов, лишенных гарантий интеллектуальной свободы и вынужденных двигаться в сторону экономики [2]. По мнению второго (Хартли), так же чрезвычайно обеспокоенного «макдональдизацией» высшего образования (т.е. упором на эффективность, результативность и другие измеряемые параметры), чрезвычайно ошибочно «действовать в сфере высшего образования так, как будто оно имеет некую инертную материальную сущность; как будто процесс производства в высшем образовании можно разбить на ряд определенных процедур, которые можно измерить и оценить как “хорошие” или даже “лучшие”; как будто его продукция должна быть предсказуемой, стандартной и поддающейся количественному учету» [2].

По мнению обоих исследователей, логика Болонского процесса предполагает повышение конкурентоспособности и построение наукоемкой экономики, что требует сдвига в сторону «прикладного высшего образования», значимость которого выдвигается на первые позиции в ущерб традиционному образованию. Баркхольт приводит и противную данной точку зрения; сторонники ее ссылаются на изречение А.Эйнштейна о большей приспособляемости к переменам того человека, который умеет мыслить и работать независимо, в сравнении с тем, кто обладает определенными навыками [там же].

Так или иначе, в настоящее время европейское высшее образование вовлечено в процесс «свободно координируемой интеграции», находящейся за пределами официальной юрисдикции Евросоюза. В Болонской декларации 1999 года специально оговорено, что интеграционные задачи будут решаться посредством «межправительственного сотрудничества», однако есть мнение, что на деле нынешняя политика в области образования формируется UNICE (Союзом промышленных и работодательных конфедераций Европы), Transatlantic Institute и т.д. «Достаточно прочесть отчет Всемирной торговой

организации (ВТО) о сфере обслуживания, чтобы узнать, какую политику в области образования мы получим через пять лет» [3]. Кстати, определенное влияние Органы Евросоюза (в особенности Европейская комиссия) на образование все же оказывают, используя в качестве инструмента общественные организации.

Особую известность за последние годы приобрела специальная программа Erasmus, нацеленная на развитие мобильности студентов и преподавателей и продвижение «европейских аспектов» (в первую очередь посредством разработки учебных планов). Размах деятельности Erasmus весьма значителен: с момента запуска программы Erasmus в 1987 г. в ней принял участие 1 млн студентов, и в настоящее время программа охватывает 30 стран [2]. С недавнего времени российские студенты получили возможность активно включиться в эту и подобные образовательные программы: 1 июня 2007 г. вступило в силу соглашение об упрощении визового режима между Россией и Европейским союзом. Оно позволило многим россиянам получать шенгенские визы на срок 1 – 5 лет, а в ряде случаев – без предоставления необходимого ранее приглашения. Соглашение касается, в том числе, деятелей науки, культуры и образования, участвующих в программах обменов, а также студентов и школьников [8].

В сентябре 2003 года Россия присоединилась к Болонскому процессу, который предусматривает переход на двухуровневую систему высшего образования - обучение студентов четыре года в бакалавриате и еще два года в магистратуре. А 24 октября 2007 года Президентом РФ был подписан закон о введении двухуровневой системы в стране. В 2009-2010 учебном году Российские вузы по более 100 специальностям еще сохраняют пятилетний срок обучения, не переходя на двухуровневую систему подготовки (бакалавриат и магистратура): «Подготовлен проект постановления правительства, по которому сохраняется специалитет по 63 направлениям и 49 плюс к этому по предложениям силовых ведомств», - сказал министр образования и науки РФ А.Фурсенко, выступая на заседании координационного совета уполномоченного по правам человека в РФ [13]. Как заверил А.Фурсенко, Минобрнауки не будет заставлять вузы переходить на обучение по программам "бакалавр - магистр". По его мнению, пятилетний срок обучения постепенно отойдет сам, не выдержав конкуренции с более эффективной уровневой системой [13].

Большинство ректоров российских вузов придерживаются на этот счет иной точки зрения. Так, в статье под «говорящим» названием «И «Шукшиных» поставим на поток» ректор ВГИКа В.Малышев весьма однозначно высказывается относительно болонской модели развития образования. Для творческих вузов, по его мнению, последствия такого развития окажутся просто катастрофическими: «Подогнать под общий стандарт всё человечество многим кажется весьма заманчивым. Есть теории, приверженцы которых полагают, что когда человечество перестанет делиться на русских, норвежцев, китайцев, индусов и так далее, когда оно будет одинаково мыслить, вот тогда проблемы выживания решатся раз и навсегда.

Абсолютная глупость. Как только исчезнет индивидуальность наций, начнётся деградация. Сохранение самости – вопрос сохранения нации. Стандартизация приемлема при выпуске электроприборов. Для розеток это хорошо, для личности – губительно. Унифицированные болванки легче укладывать в штабеля, заточенными под одно лекало людьми легче управлять» [10].

Глобализация высшего образования и связанное с ней культурное доминирование Запада, по мысли К.Баркхольта, может привести к гомогенизации культурных традиций незападного мира [2], и России эта опасность грозит в чрезвычайно большой степени.

Объяснить это можно тем, что российское общество, согласно выводам аналитиков, находится в состоянии активного и целенаправленного саморазрушения, о чем сигнализируют ярко выраженные тенденции деструкции, наблюдаемые сегодня во всех его общественных институтах и поддерживаемые коллективным поведением носителей действия [15]. К слову, причинами, спровоцировавшими такое саморазрушение, не являются сугубо внешние факторы. Повсеместно господствующая аномия, то есть дисперсия ценностного поля, охватила сферы экономики, политики и культуры. Так, новый экономический уклад (именно стабильный новый уклад, а не переходная многоукладность) представляет собой эклектичное совмещение самых разных фрагментов - технологически передового постиндустриализма и квазирынков, возродившуюся архаику и натуральный обмен, криминальную экономику, подневольный труд, индустриализацию, постиндустриализацию и деиндустриализацию [там же]. Переходный период (так называемый транзит) привел не только к весьма характерному перерождению общества на всех его структурных этажах, но и к «необратимому видоизменению внутренних феноменологических конструкций массового сознания» [15].

Из-за ослабленности собственной социальной структуры Россия, в сравнении с более стабильным Западом, оказалась намного более уязвима в плане восприятия глобалистических тенденций. Она превратилась в своего рода испытательный полигон для тех культурных феноменов, которые в будущем в полной форме проявят себя в глобальном формате. В России, вопреки расхожему мнению, наблюдаются не процессы "инерционной адаптации" к общемировым культурным изменениям [9], но, напротив, активно реализует себя большинство глобалистических тенденций в их яркой гибридной форме. К числу подобных гибридных культурных форм можно отнести как достаточно одиозные, но фактически превращающиеся в нормативные шоу-бизнес, рекламу, масс-медиа, псевдодемократический политический хэппенинг (лицедействие и театрализация), так и формы, восходящие к традиционным институтам туризма, труда и образования (подробнее о них см. [15]).

С конца 90-х годов эти явления общемировой, глобализирующей себя реальности сполна проявляют себя именно в России, а не в стабильных западных обществах, где эти феномены ограничиваются и регулируются

рационально-традиционными социальными институтами. Уже сейчас есть основания утверждать, что девиантная гибридизированная культура постепенно превращается в России в базовую, а традиционные фундаментальные культурные ценности уходят на маргиналии российского общества, становясь основой различных реминисцентных культур. В статье Д.Дондурей «Без культурной политики» приводятся на этот счет весьма красноречивые свидетельства: сложные театральные постановки сегодня в России выдерживают лишь несколько представлений; фильмы - призеры крупнейших мировых кинофестивалей проваливаются в российском кинопрокате; если же они чудом попадают в телеэфир, то, не найдя широкой аудитории, перемещаются из прайм-тайма в глубокую ночь. Что касается объемов развлекательной продукции на ТВ, то эти объемы за последние два года увеличились на 50% и ныне составляют три четверти национального эфира (прецедентная ситуация для мирного времени). Неготовность людей понимать языки современного искусства Д.Дондурей квалифицирует как «свидетельство беспрецедентного с 30-х годов XX века ухудшения качества аудитории» [7]. Уход с исторической сцены социальной группы интеллигенции, превращение ее в квазигруппу интеллектуалов открывает все больший простор для манипулятивных процедур в отношении культуры, причем, эти процедуры оправдываются требованиями рынка.

Особый смысл новые культурные ценности приобретают в системе высшего образования. Это объясняется тем, что образование представляет собой «технологии, овладение системой средств трансляции культуры» [7], является «одним из главных агентов социализации, то есть воспроизводства ценностных структур обществ» [15]. Заимствуя чужие образовательные матрицы, мы автоматически попадаем под деформирующее нас влияние чужих культурных кодов.

В настоящее время модернизирующееся российское общество несет на себе не только отпечаток (сугубо национального) кризиса российских университетов первой половины 90-х годов ушедшего века, но и кризиса общемирового характера – кризиса знания эпохи постмодернити.

Как отмечает Н.Е.Покровский, высшее образование в новом раскладе ценностных ориентаций уже не служит источником распространения фундаментальных научных ценностей. Потребители высшего образования, и в России в том числе, прежде всего ценят его доступность или удобность, то есть максимальное сокращение физических усилий для получения искомого результата; упакованность учебных программ в яркие функциональные упаковки, облегчающие потребление товара, в качестве которого выступают знания и умения; последующую максимальную коммерческую реализуемость полученных знаний [15].

Все соображения уникальности университетов и других институтов третичного сектора сводятся к минимуму в безумной надежде предоставить больше услуг при меньших затратах [6]. Постепенно знание из интеллектуальной деятельности превращается в интеллектуальный капитал, а, следовательно, интеллектуальную собственность, а потому традиция

свободного его распространения в рамках учебного университетского процесса все более начинает походить на романтический идеал. Если в прошлом исследователи ожесточенно боролись за право опубликовать полученные результаты в высококачественных журналах, то сейчас они спешат получить на эти результаты патент. Наука и интеллектуальная собственность тесно переплелись [4].

Что касается России, то, несмотря на то, что в постперестроечные годы отмечался шквальный рост числа вузов (к 2005 г. их число достигло 660-ти вузов в государственном секторе (с 1376 филиалами) и 430-ти с 326 филиалами в негосударственном (а в 1995 г. было всего 762 государственных вуза)) и численности студентов (с 2,8 млн. в 1995 г. до 7,3 млн. в 2006 г.), эти годы стали для нас эпохой потерь в сфере высшего образования. Значимость того факта, что число выпущенных дипломированных специалистов выросло за этот период с 395 500 до 1,06 млн., обнуляется и профессиональной малозначимостью дипломов «заочного» и «филиального» образца, и сложившимся на рынке труда прецедентом в виде "скрытой" утечки умов (работы не по специальности). Так, из 500 ежегодно выпускаемых по космической специальности студентов Самарского государственного аэрокосмического университета имени С.П.Королева около 40% реализуют полученные знания в логистике и финансово-промышленной секторе [1].

Колоссальные масштабы утрат от «скрытой» утечки умов усугубляет то обстоятельство, что в настоящее время Россия является ведущим мировым поставщиком научных кадров. За последнее десятилетие в отдельные годы за рубеж выезжало до 300 тыс. научных работников. Только потери от утечки из страны ее интеллектуального капитала составляют, по различным оценкам, от 60-70 млрд. долл. за все годы реформ до 45-50 млрд. долл. в год [11].

Справка

Справедливости ради, следует сказать, что проблема утечки умов не специфически российская проблема. Так, количество шведов, уезжающих на учебу в заграничные университеты, за последние десять лет хотя и остается более-менее постоянным (в пределах 26 000 ежегодно), но среди них также наметилась тенденция не возвращаться на родину после окончания учебы. Шведское Национальное Агентство по высшему образованию (Högskolverket) чрезвычайно обеспокоено таким положением дел. “Это своего рода утечка мозгов, и для нашей экономики это была бы очень большая проблема, если бы многие шведские студенты, начиная свою карьеру, оставались жить за границей,” – говорит глава Агентства (он же ректор Королевского технологического института Швеции) профессор Андерс Флодстрём [18].

Явление «утечки» умов не всегда предполагает физическое перемещение ученых. Еще одной формой перекачки интеллекта из страны в страну является аутсорсинг (работа на иностранных партнеров). По сценариям аутсорсинга в настоящее время работает немало российских НИИ. Иностранные партнеры особо жалуют исследовательские учреждения ВПК, с которыми уже заключили рабочие договоры такие зарубежные корпорации и фирмы, как «Форд Моторз», «Дженерал электрик», «Юнайтед технолоджис»,

«Гудрих дай», «АТ&Белл Лабороториз», «Сай Дайменд технолоджис», «Сан Микросистем», «Коминг» и др. В результате сейчас порядка 10 тыс. ученых, живущих в России, работают на американские организации и около 20 тыс. — на Евросоюз. Размеры экономии от «покупки русских мозгов в настоящем универмаге науки и техники» предельно откровенно озвучил Я. Вынус, директор фирмы «Планкон»: «в России вы можете нанять специалиста в области химии и биологии за одну десятую зарплаты, которую подобный специалист получает у нас в Америке» [цит. по [19]].

Справка

Утечка умов и аутсорсинг представляют собой своего рода трансформы так называемых процессов «делокализации», т.е. выноса производственных мощностей за пределы стран с развитой системой социальной защиты с целью игры на понижение стоимости рабочей силы. Показательным примером результата делокализации является British Airways, изменение лица которой после приватизации и последовавшей за этим реструктуризации было весьма эмоционально прокомментировано Мишелем Уссоном в журнале «Монд дипломатик»: «Можно задаться вопросом, а что британского осталось в "Бритиш Эруэйз", принадлежащей на 40% американским институциональным инвесторам, набирающим пилотов из Восточной Европы с целью сокращения зарплаты местного летного состава и намеревающихся вывести за пределы Англии все бухгалтерское обслуживание компании. Таковое будет передано индийскому субподрядчику при одновременном увольнении еще 5000 работников. И все это делается при том, что в первое полугодие 1996 г. компания получила исторические по своей величине доходы!» [16]. Осуществление сценариев делокализации возможно при условии, когда для основной массы трудящихся с "небольшими деньгами" национальные границы их стран, куда "делокализуется" производство, остаются на замке. Соответственно, один из неписаных законов глобализации гласит: в "глобализованном" мире "свободно передвигаются товары..., но не люди" [там же]. Это обстоятельство заставляет серьезно задуматься над выводами Уссона: "глобализация направлена (...) на сведение в непосредственной конкурентной борьбе наемных работников со всей планеты. Абсолютная свобода хождения капиталов служит основным рычагом для получения этого результата" [там же].

Страны, не желающие подвергаться разного рода внешним давлениям, могут выбрать сценарии самозащиты, таково мнение гендиректора промышленной группы "Интерпром" М.Юрьева, которое он отразил в докладе на тему политики изоляционизма (доклад, по словам самого автора, имеет дискуссионный (и даже провокационный) характер). Изоляционизм в нем рассматривается как уклад, при котором "контакты с внешним миром относительно невелики и взаимодействие с ним во всех сферах общественной жизни - экономике, политике, культуре, идеологии, религии - малосущественно и несравнимо по значимости с внутренними влияниями" [9]. По мнению Юрьева, политика изоляционизма более предпочтительна для России в ее нынешнем состоянии колоссального экономического отставания от Запада: Россия отстает от США по уровню душевого дохода в 10-12 раз, а по объему ВВП - в 20-25 раз, и для преодоления этого отставания российский ВВП следует увеличить в 15 раз, т. е. обеспечить темпы роста, которые на 11 процентных пунктов превышали бы темпы роста США [там же]. Только переход к "более либеральной и более остроконкурентной, но закрытой

экономике" может уберечь Россию от угрозы ликвидации как независимой страны и отдельной цивилизации [там же]. Внешнеэкономическая открытость страны, которая, безусловно, способствует ускорению социально-экономического развития и повышению уровня жизни ее населения, должна сопровождаться разумной государственной политикой, направленной на использование в национальных интересах позитивных аспектов быстро развивающихся процессов глобализации и смягчения или устранения их негативных последствий [там же].

Контрдоводами к этому небезынтересному решению могут послужить два тезиса: во-первых, согласно теории социологического институционализма, способность формировать и распространять идеи является мощным стратегическим инструментом, сознательно лишая себя которого вряд ли имеет смысл; во-вторых, в ситуации, когда одной стране приходится решать вопрос об интеграции в области высшего образования, отказ другой страны интегрироваться (и «поделиться») повлечет за собой не только внутренние издержки, но и прямые убытки [2]. "В условиях глобализации самоизоляция возможна только ценой окончательного отставания и выпадения из мировой системы. А значит - и из истории" [9].

«В условиях весьма динамичной культурной эволюции, происходящей в России, возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия как носителя систем ценностных ориентации, но не только в виде создания разного рода депозитариев памятников и документов культуры (хотя и их тоже), но прежде всего в качестве хранилищ живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах» [15]. Такими деятельностными вариантами могут стать все праведные формы сохранения национального лица страны с безусловным упором на «белую пропаганду России» в мире.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе. Или Ценность знания в обществе незнания / Н.Г. Багдасарьян // Педагогика. - 2008. - № 5. Эл. ресурс: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/11/10/0000325359/cennostznania.pdf>.
2. Баркхольт К. Болонский процесс и теория интеграции: сближение и независимость / К.Баркхольт // Высшее образование в Европе. – 2005. - № 1. - Том XXXI.
3. Бурдые П. За ангажированное знание / П.Бурдые // Неприкосновенный запас. -2002. - №25 (5).
4. Ван Де Бунт-Кокхюйс С. Глобализация и свобода знаний / С. Ван Де Бунт-Кокхюйс // Высшее образование в Европе. - 2004. - № 2. - Т. XXIX.
5. Ведрин Ю. Перестройка основ иностранной политики Франции / Ю. Ведрин // Мунд дипломатик. - 2000 г. – декаб.
6. Дакснер М. Новые поведенческие парадигмы в академической сфере и их последствия для найма университетского персонала / М.Дакснер // Высшее образование в Европе. Том - 2006. - № 3. - XXXI.
7. Дондурей Д. Без культурной политики / Д. Дондурей // Время. – 2009. - №46.
8. Ездить в Европу будет проще // Вестник МАПРЯЛ. – 2007. - № 54,
9. Изоляционизм или полная открытость? 03.03.2008. Эл. ресурс: <http://globalizacyja.ru>

10. Малышев В. И «Шукшиных» поставим на поток / В. Малышев // ЛГ. – 2009. - № 24 (6228)
11. Место России в системе международной торговли. 03.06.2008. Эл. ресурс: <http://globalizacyja.ru>
12. Наука и образование. 07.04.2009. Эл. ресурс: <http://technomag.edu.ru/doc/121159.html>
13. Об инновационной политике // Вестник МАПРЯЛ. -2007. - № 54.
14. Подходы к пониманию глобализации. 03.06.2008. Эл. ресурс: <http://globalizacyja.ru>
15. Покровский Н.Е. Глобализация и душа: рефлексии по поводу американизации и глобализации русской души. / Н.Е. Покровский. Эл. ресурс: <http://www.prof.msu.ru/>
16. Уссон М. Капиталистическая глобализация против занятости / М.Уссон // Мунд дипломатик. - 2001 г. – сент.
17. Хобсбаум Э. «Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России» / Э. Хобсбаум // Свободная мысль - XXI». – 2004. - №12.
18. Число иностранных студентов, желающих получить высшее образование в Швеции, неуклонно растёт // University World News. 7.07.2008.
19. Юревич А., Цапенко И. Глобализация современной российской науки / А.Юревич, И. Цапенко // Логос. - 2005. - № 6 (5 1).